Философский журнал
2026. Т. 19. № 3. С. 15–25
УДК 101.1

The Philosophy Journal
2026, Vol. 19, No. 3, pp. 15–25
DOI 10.21146/2072-0726-2026-19-3-15-25

О.В. Зарапин

«РУССКИЙ СОКРАТ»: М.К. МАМАРДАШВИЛИ И В.В. БИБИХИН*

Зарапин Олег Викторович – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры религиоведения и философии культуры. Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, пр. Вернадского, д. 4; e-mail: zaraoleg@yandex.ru

В отечественной философской культуре М.К. Мамардашвили и В.В. Бибихин – знаковые фигуры, олицетворяющие философский профессионализм в преодолении академических барьеров, в открытости к жизни, интеллектуально связывающей людей друг с другом. Яркое выражение этого – в педагогике, в курсах лекций, следующих образцу преподавания философии как живого философствующего самосознания на виду у всех. Автор статьи исходит из того, что действенность этого образца раскрывается вовсе не в силе харизматического самосознания, вызывающего аудиторию к соприсутствию и ответу. Его тезис состоит в том, что такой образец воплощает уже известную форму действия, которая реализуется в виде публичного чтения классического философского текста и в нацеленности на то, чтобы «узнать себя в Другом». Эту форму можно назвать сократической. В статье она реконструирована на материале учебных курсов М.К. Мамардашвили «Кантианские вариации» и В.В. Бибихина «Чтение философии». В курсах согласуются: избранный лектором способ чтения текста, заложенная в этот способ идея самосознания, средства поддержания контакта с аудиторией. Автор статьи подчеркивает, что педагогическое наследие отечественных философов выражается в неосократизме, особо востребованном в цифровую эпоху. Он представляет собой реальную и действенную оппозицию популяризируемой практике общения с обученной нейросетью, способной внушить пользователю представление о том, что самосознание личности есть совокупность переживаний индивида, ценный и интересный элемент его приватной интеллектуальной жизни.

Ключевые слова: неосократизм, русская философская культура, философский текст, самосознание, самопознание

Для цитирования: *Зарапин О.В.* «Русский Сократ»: М.К. Мамарадашвили и В.В. Бибихин // Философский журнал / Philosophy Journal. 2026. Т. 19. № 3. С. 15–25.

* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 26-18-00580 «Модели аргументации от экспертного мнения и механизмы экспорта знания в публичную сферу», реализуемого в Институте философии РАН.

© Зарапин О.В., 2026

Общение с нейросетью стало привычной частью нашей повседневной жизни. Обученная на отобранном текстовом материале известного философа нейросеть способна в общении с пользователем виртуально воплотить образ известной личности. Эта интригующая возможность вступить в виртуальное общение с великими (Сократ, Будда, Конфуций)[1] вносит свое изменение в культуру. Когда под рукой «умная» языковая модель, напряженное чтение философского текста становится избыточной практикой. Может, действительно пришло время освобождения от чтения и это действительно прогресс? К чему это достижение нас ведет?

Несложно увидеть серию шагов, укладывающихся в явную последовательность: от соображения, что машина помогает человеку преодолеть культурно устоявшиеся стереотипы[2], – через системы, виртуально воплощающие образ известного философа[3], – к обобщающему образу мудреца, способному служить пользователю руководством в повседневной жизни[4].

Мы имеем дело с эффектом популяризации, выводящим философию на технологически продвинутый уровень рынка потребления, где предлагается особая облегчающая «вытяжка» из философского чтения. Общение с виртуальным философом – феномен, вписываемый в контекст, обозначенный еще в начале 1990-х гг. известным немецким социологом Г. Шульце в понятии «общество переживаний» (нем. Erlebnisgesellschaft)[5], здесь предметом потребления является особое интеллектуальное переживание.

Да, чтение философского текста – это труд, а не пассивное усвоение сведений, он требует от читателя пропустить текст через себя, т.е. активирует самосознание читателя[6]. Вытяжкой или сублиматом является именно оно – переживание себя в качестве мыслящего существа, т.е. самосознание человека, воплощенное в когитальном акте «я мыслю». Будучи продуктом потребления, самосознание и его переживание пополняют содержание, обогащают и преобразуют неподконтрольную никому частную интеллектуальную жизнь.

Как действовать преподавателю философии в учебной аудитории, внутри которой сохраняются традиционные формы академического общения (чтение, письмо, комментарий, интерпретация), а снаружи – территория частной интеллектуальной жизни с доступом к виртуальному Сократу и Конфуцию? Игнорировать то, что происходит снаружи, или, напротив, стать Дон Кихотом и объявить цифре войну?

Полагаем, что выход кроется в умеренном консерватизме, признающем, что академическая практика чтения философского текста не устарела и способна конкурировать с цифровой реальностью, где потребность человека

---

1 См.: https://deepai.org/chat/socrates (дата доступа: 25.01.2026); https://flowgpt.com/chat/confucius-1 (дата доступа: 11.01.2026); https://buddhastiftung.org/fragbuddhai/ (дата доступа: 25.01.2026).

2 *Лысенко В.Г.* Диалог эксперта по когнитивным наукам с большой языковой моделью Claude 3 Opus о самосознании искусственного интеллекта: анализ буддолога // Философские науки. 2024. № 3 (67). С. 75–98.

3 *Strasser A., Schwitzgebel E., Crosby M.* How far can we get in creating a digital replica of a philosopher? // Social Robots in Social Institutions: Proceedings of Robophilosophy 2022. Amsterdam; Berlin; Washington, 2023. P. 371–380.

4 *Thomas I.S., Wang J., GPT-3.* What Makes Us Human: An Artificial Intelligence Answers Life's Biggest Questions. Boulder, 2022.

5 *Schulze G.* Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. Frankfurt; New York, 2005.

6 *Пирси Р.* Чтение как философская практика. Ереван, 2024.

ощущать себя мыслящим имеет свои, массовые и общедоступные виртуальные формы выражения и удовлетворения.

Репрезентативный образец такой практики мы находим в отечественной философской культуре, в педагогическом наследии двух именитых философов XX в. – М.К. Мамардашвили и В.В. Бибихина. Опубликованы многочисленные прочитанные ими курсы лекций, в которых заметно выделяется формат публичного чтения философского текста.

Предлагаемый ими подход к чтению содержит хорошо заметный, явный оттенок неосократизма, близкий программному тезису о сократическом методе, высказанному Л. Нельсоном в 20-х гг. XX в. в заявлении, что учить надо не философии, а философствовать, делая самих студентов философами («nicht die Kunst, Philosophie, sondern Philosophieren zu lehren… Schüler zu Philosophen zu machen»)[7].

Мамардашвили и Бибихин заставляют переосмыслить привычный образ Сократа, действующего в диалоге. Мы имеем дело со специфической разновидностью неосократизма, представленной в обстановке учебной аудитории, где лектор и слушатели коммуникативно связаны не реальным диалогом, но, как ни странно, именно лекционным монологом. Здесь в дискурсивной обертке переживания «я мыслю» лектором в аудиторию транслируется самосознание, что создает среду для общения.

При всем своеобразии и неповторимости сходство двух именитых философов как лекторов существенно и позволяет задать важный в педагогическом отношении обобщающий вопрос о способе действия лектора: «Как чтение философского текста организуется в самосознание, генерирующее коммуникативную среду для интеллектуального общения, общения умов?»

Самопознание и самосознание

В чем же существенное сходство деятельности Мамардашвили и Бибихина в качестве лекторов? Будем отвечать исходя из позиции читателя, имеющего дело с текстом, который взялся осваивать уже опубликованный курс лекций и столкнулся с тем, что имеет дело не с готовым учебником по философии, а с живым философствованием.

Подчеркнем: курс лекций построен как публично осуществляемый опыт чтения выбранного философского текста другого автора. С чем мы, взявшие в руки уже опубликованный курс лекций Мамардашвили и Бибихина, имеем дело – с интерпретацией идей классиков или с трансляцией собственных идей в одежде классиков?

Ни первое, ни второе. Классический текст здесь играет роль инструмента самосознания лектора, осуществляющего чтение. И Мамардашвили, и Бибихин вмещают личностный опыт самосознания в процесс чтения классического текста. И важно, что этот личностный опыт лектора является публичным. Как интеллектуальный перформанс он осуществляется на виду у всех и создает специфический коммуникативный контакт лектора с аудиторией.

Итак, видимое в лекционной деятельности сходство обоих философов выразимо как *коммуникативный эффект самосознания*, он раскрывает

---

[7] *Nelson L.* Die Socratiche Methode. Vortrag, gehalten am 11. Dezember 1922 in der Pädagogischen Gesellschaft in Göttingen. Göttingen, 1931. S. 1.

картезианское *Cogito* так, что «умный» опыт одного человека становится продуктивной основой его коммуникации с другими людьми. Подчеркнем этот эффект как репрезентативный. Он отсылает к классическому наследию Платона, в котором связка коммуникации и самопознания есть значимый для нас прецедент, выраженный в образе встречи Сократа с чужеземцем.

Вспомним начало платоновского диалога «Софист», где Сократ уподобляет приход чужеземца (Другой) явлению божества, открывающего людям глаза на их дела (познание себя) как «бог-обличитель»[8]. Образ встречи Сократа с чужеземцем выражает ситуацию самопознания как ситуацию коммуникативную. Чтобы узнать себя, необходимо оказаться в прицеле внешнего воздействия.

В случае Мамардашвили и Бибихина чужеземец – это философ типа Парменида или Канта, сообщающий в своем тексте истину лично о нас, взявших в руки курс лекций. Чтобы мы услышали эту истину, необходим посредник (лектор), способный прочитать текст в интенции самосознания так, чтобы процесс включал не только лектора, но и нас, наблюдающих его чтение.

Встреча Сократа с чужеземцем и чтение философского текста соотносимы как античная максима gnōthi seauton и нововременное ego cogito. Эта соотнесенность похожа на перекличку между само-познанием и само-сознанием, возможную благодаря возвратному – «возвращающему» – глаголу. В ней высвечивается проблема Я как самости, выраженная в эквивокации, в схождении/расхождении значений двух возвратных глаголов. С одной стороны, это глагол «познать» себя, когда Я – в наблюдаемом мире, приватное и в окружении подобных ему, связанных коммуникацией. С другой стороны, это глагол «осознать» себя, а Я обнаруживает себя в мире как когитальное, аутично замкнутое на себя и одинокое.

Сопряжение этих двух глаголов задает оптику лекционной деятельности Мамардашвили и Бибихина. В курсе лекций Бибихина «Узнай себя» виден стык эллинского язычества, библейской традиции и Упанишад, требующий «отдать себя другому, другого узнать собой и себя узнать другим» с тем, чтобы отменить «приватное Я, которое теперь не больше свое, чем ты»[9]. В pendant этому мысль Мамардашвили о том, что «основной мотив человеческой жизни – ее расширение, восполнение себя своими же частями, родными тебе, находящимися в других» и, следовательно, «в другом – это мое», эта способность «соседствовать с чем угодно» определяет «классический образ мыслителя»[10].

В лекционной деятельности Мамардашвили и Бибихина мы имеем дело со специфическим опытом целенаправленного «исполнения» средствами живого русского языка европейской философской традиции, разворачиваемой из идеи самости в сближении возвратных глаголов «познать себя» и «осознать себя».

Однако подобного рода опыт недостаточно констатировать, его нужно реконструировать в процессе исполнения, то есть воспроизвести. Как это возможно? Попробуем показать, что платоновский образ самопознания как встречи находит свое конструктивное выражение в когитальной интенции курса лекций обоих философов.

---

8 *Платон*. Софист. 216b.

9 *Бибихин В.В.* Узнай себя. СПб., 1998. С. 49.

10 *Мамардашвили М.К.* Эстетика мышления. М., 2000. С. 181–182.

Сократическая форма

Выскажу предположение, что платоновский образ встречи высвечивает определенную форму организации лекции в коммуникативном единстве «лектор – чтение философского текста – аудитория». Выявляемая в действенности побуждения к изменению в самосознании – это форма *сократическая*. Она хорошо видна в том, как действуют Мамардашвили и Бибихин, и реализуется в сопряжении двух коммуникативных планов.

Первый план представлен тем, что делает лектор. Он обращается к классическому философскому тексту в практике публичного чтения, как бы возвращающей университетскую лекцию к ее исконному значению «чтения» избранного текста (лат. *lectio*).

Работая с текстовым материалом, оба философа объясняют аудитории, что именно делают, эти объяснения различны, но общим знаменателем будет то, что объяснения в конечном счете сходятся под рубрикой самосознания. Сходятся в том, что чтение избранного текста значимо для читателя как его включение в опыт, в котором человек по-новому осознает себя. Назовем этот коммуникативный план *планом чтения*.

Второй план представлен тем, что реализуемый в чтении лектором личный опыт его самосознания осуществляется на виду у всех, он публичен, содержит призыв присоединиться к этому опыту. Он может вызвать реакцию не только восхищения, но и неприятия, раздражения и непонимания происходящего. Такого рода демонстрация воздействует на аудиторию весьма специфично. Это воздействие преимущественно суггестивное, подкрепляемое различными вербальными и невербальными, текстовыми и внетекстовыми обстоятельствами: лекторской интонацией, его интуитивным погружением в материал, импровизацией, эрудицией, неожиданным жизненным примером, а также образами и метафорами. Назовем этот план коммуникации *планом внешней адресации*.

Чтобы проверить тезис об организующей роли сократической формы, попробуем на конкретном текстовом материале реконструировать деятельность лектора как *создателя сократической формы*.

В своей реконструкции будем отталкиваться от того, что сократическая форма распознаваема в согласованности между: 1) способом прочтения текста, который избирает лектор; 2) заложенной в способ прочтения идеей самосознания; 3) набором примеров, метафор и образов, посредством которых лектор суггестивно воздействует на аудиторию.

Сократическая форма в курсе лекций М.К. Мамардашвили

Обратимся к материалу курса лекций «Кантианские вариации»[11].

Способ чтения. Реализуется в двух приемах.

Первый Мамардашвили обозначает понятием «вариация». Подразумевается действие связывания вещей, которые в строгом следовании тексту

[11] *Мамардашвили М.* Кантианские вариации. М., 1997.

выглядят «как будто не связанные»[12]. Основа такого действия в предпосылке: «…мы берем все “Критики” Канта как одну работу или один мир»[13].

То есть прием «вариации» определяет логику чтения в нацеленности на то, чтобы видеть во множестве высказываемых автором текста мыслей одну.

Второй прием – то, что Мамардашвили обозначает с помощью глагола «высвобождать». Он подразумевает специфическую работу с кантовским языком: «…выбить слова и термины из ячеек, из проложенной колеи текста, и в том виде, в каком они были помыслены Кантом, привести их в новое сочетание»[14]. Прием высвобождения определяет логику чтения в нацеленности на контакт с мыслью Канта, делающий ее также и мыслью читателя.

Эти приемы связаны в общий способ чтения – «читать Канта как написанное о себе – обо мне, о вас»[15]. Здесь «обо мне, о вас» явно указывает на *коммуникативную оптику чтения*.

Идея самосознания. Актуализирована оптикой чтения. Текст Канта, воспринимаемый как написанный о читателе, задает позицию читателя. Это позиция человека, наблюдающего себя в отражении текста и через текст узнающего себя: «…чтобы мы попытались иметь дело с Кантом так, как если бы через Канта имели дело с самими собой»[16].

Идея самосознания вычитывается из курса лекций в образе личностной реакции Канта – это состояние удивления. Здесь важен эффект визуализации, который лектор использует, когда говорит о Канте: «Он с удивлением и недоумением смотрит вокруг себя, на людей (кажется даже, что он и нас видит), которые хотели бы, чтобы Бог был в мире сам собой, независимо от их нравственного усилия и… движения по траектории вяжущей силы самопознания. Он видит, что эти люди хотели бы, чтобы мир был устроен до них, без них и после них так же надежно, и не понимает, как такое вообще можно предполагать… Ведь Я… есть элемент в мире, без которого этого мира не было бы. Мир есть то, что создается после…»[17].

Из этого фрагмента вычитывается идея самосознания, выражаемая в столкновении двух способов отношения Я к миру. Первый, разоблачаемый способ, отражает веру в то, что мир существует «сам собой», сам по себе и не зависит от Я. Второй способ утверждает обратное, что без Я «мира не было бы». Два этих способа отношения к миру замыкаются на метафору призрака – существующее в отдельности от мира Я напоминает призрака, для этого мира постороннего. Метафору призрака Мамардашвили избирает, чтобы, обобщив, сказать: «…внутреннее биение нерва мысли Канта – это проблема: не призрак ли я в этом мире»[18].

Контакт с аудиторией. Здесь видны три способа действия.

(1) *Обращение к философу с личной заинтересованностью*. Выражается не только в создании жизненного образа личности автора читаемого текста. Не менее существенна демонстрация личностного контакта лектора с текстом автора, это слышно в эмоциональном

---

12 Там же. С. 7.
13 Там же. С. 14.
14 Там же. С. 9.
15 Там же. С. 13.
16 Там же.
17 Там же. С. 15.
18 Там же. С. 68.

признании: «…тобой овладевает чувство какого-то собственного стыдного пробуждения…»[19].

(2) *Демонстративное игнорирование академических шаблонов*, таких как, например, системное изложение материала, упорядоченное тематически и хронологически и т.д. Сюда вписывается решимость говорить о Канте как о совершенно неизвестном: «Давайте вообще договоримся, что мы ничего не знаем о Канте»[20].

(3) *Использование широкого ассоциативного ряда*. Позволяет читать кантовский текст в перекличке с образцами литературно-поэтического творчества, достижениями современной научной мысли и даже в сопровождении мысленного эксперимента встречи с представителем инопланетной цивилизации[21].

Сократическая форма в курсе лекций В.В. Бибихина

Возьмем за основу курс лекций Бибихина «Чтение философии»[22].

Способ чтения. Реконструируем его в последовательности от негативного тезиса (чего не следует делать) к позитивному (как следует действовать). Во-первых, в отношении к тексту, по Бибихину, не следует действовать в претензии разработать новую, оригинальную интерпретацию. Во-вторых, не следует действовать также и как хранитель истины, оберегающий аутентичный текст от искажающих интерпретаций. Лектор предлагает способ, разворачиваемый ретроспективно, как движение вспять от текста к тому, что его порождает и что обозначается понятием «событие мысли».

В основе такого способа чтения выделим идею, что текст не принадлежит автору как продукт его творчества. Текст рождается в авторском высказывании слова, которое ожидало своего проявления, и заслуга автора в том, что он интуитивно почувствовал необходимость высказывания. Автор дал ему возможность выразиться в языке, дополняемом и обогащаемом многочисленными интерпретациями. Эта идея выражена в особом значении глагола «ожидать»: «Слова ждут… новый текст ожидают… новый текст будет наконец тем, что ожидают»[23].

Отсюда специфическое – читательское – отношение лектора к тексту в стремлении сберечь живой текст в качестве все еще ожидаемого, использовать чтение для сохранения возможности текста быть всегда иначе понятым. Это – «чтение, не слизывающее другого, оставляющее другого другим»[24]. Такая техника чтения встраивается в контекст, обозначенный латинским глаголом relego – «читаю второй раз», он указывает, как пишет Бибихин, на «способность вглядеться, вчитаться внимательно в то, что мы уже увидели, чтобы увидеть другое»[25].

Конечный пункт, к которому приводит предлагаемый способ чтения, отменяет всякую личностную идентификацию мысли как озвученной тем или

---

19 Там же. С. 29.
20 Там же. С. 37.
21 Там же. С. 72.
22 *Бибихин В.В.* Чтение философии. СПб., 2009.
23 Там же. С. 32.
24 Там же. С. 30.
25 Там же. С. 18.

иным автором: «…все философы говорят одно. Событие философии – одно событие»[26].

Итак, предлагаемый Бибихиным как лектором способ чтения философского текста выражается в призыве вернуться к порождающему текст источнику «события мысли», где мысль пребывает в состоянии как бы расплавленного и текучего вещества, готовая быть всегда другой, иначе высказанной и иначе понятой мыслью.

Идея самосознания. Эксплицируема из предложенного способа чтения философского текста. Чтение, нацеленное на охранение возможности текста быть иначе понимаемым, определяет позицию читателя. Такая позиция требует от читателя исходящей активности по изменению отношения к собственной личности и отношения к миру в целом.

Поясним. Стремление сопроводить текст оригинальной интерпретацией или же, напротив, стремление сохранить текст аутентичным сходятся в том, что выражают обобщаемое отношение к тексту – это, как определяет его лектор, есть «захват». Такое отношение читателя к тексту масштабируется на отношение сознания к действительности и раскрывается метафорой сознания как «контрольно-пропускного пункта».

Предлагаемый Бибихиным способ чтения требует противоположного «захвату» отношения к тексту, в масштабированном виде оно разворачивается в допущении, что вещи могут быть такими, «как они сами хотят»[27]. Такой способ чтения активирует самосознание, он инициирует изменение в самосознании. Заявленный лектором способ чтения требует от читателя ослабить хватку не только во внешней направленности на текст, но также и в направленности читателя на собственную личность: «…не мы должны себе диктовать нашу суть и назначение, мы себя еще не знаем»[28].

Мы эксплицируем идею самосознания из определения позиции читателя в виде отношения человека к самому себе, удерживаемого смыслом, что человек «был уже раньше, чем… открыл себя»[29]. Разворачиваемый в этом смысле опыт самосознания не вооружает нас новой истиной, наоборот, «это разоружение», возвращающее человека к его бытийному истоку в готовности вместить парадоксальную идею – человек есть неизбежно Другой в отношении того, как он определен или себя определяет.

Позиция читателя – «другой самому себе» – сказывается на тексте, который читают, такой текст обретает своего двойника. Так, В.В. Розанов и В.С. Соловьев противостоят друг другу, но делают одно дело, и «пока мы не увидели это, ни о каком философском чтении для нас не может быть и речи…»[30].

Итак, в предлагаемый Бибихиным способ чтения философского текста заложена идея самосознания как возвращения человека к его бытийному истоку, где человек для себя – это неизвестный Другой.

Контакт с аудиторией. Выделим репрезентативные способы действия.

1. *Личный пример лектора, показывающий, как действовать в процессе самосознания*. Это представлено в растерянности, которую лектор не скры-

---

26 Там же. С. 39.
27 Там же. С. 23.
28 Там же. С. 24.
29 Там же. С. 38.
30 Там же. С. 122.

вает, а, наоборот, выставляет напоказ: «…блестящая философия, допущение, простор оборачивается растерянностью, путаницей, пустотой»[31].

2. *Апелляция к примерам из детской жизни.* Они демонстрируют живую память о том, к чему мы возвращаемся в самосознании: «…как у ребенка, который загляделся на кошку, лижущую сметану… и вдруг сам вместе с кошкой по другую сторону лизнул ее сметану»[32].

3. *Дискредитация форм социальной жизни, воплощающих непросветленное сознание.* Контроль и управление как доминирующий способ отношения человеческого сознания к действительности дискредитируется жизненными примерами, высмеивающими бюрократическую практику.

Итак, каким же образом чтение философского текста организуется в самосознание, генерирующее коммуникативную среду?

Для такого чтения нужны два условия:

1) наличие коммуникативного эффекта, вызываемого лектором в решимости сделать публичным свой личностный акт самосознания в качестве основы для коммуникации с аудиторией;

2) целенаправленное порождение коммуникативного эффекта, что требует от лектора создания сократической формы. В этом действии приводятся в согласие: содержание лекции, заложенная в содержании лекции идея самосознания, все средства контакта с аудиторией.

Творческое наследие М.К. Мамардашвили и В.В. Бибихина богато и ценно для современной философской культуры как специфический вид неосократизма, актуализированный в цифровую эпоху. Можно допустить, что общение с виртуальным философом дает ценное для человека переживание «я мыслю», но важно видеть и другое: путь погружения в виртуальный мир делает человека одиноким, замкнутым в скорлупе манипуляций с клавиатурой. Ощущать себя мыслящим в общении с другими людьми – альтернатива этой скорлупе, и академическая культура, способная ее предложить и реализовать, думается, не потеряет себя под валом все более изощренных попыток сделать из философии гаджет индивидуального пользования.

Список литературы

Бибихин В.В. Узнай себя. СПб.: Наука, 1998.

Бибихин В.В. Чтение философии. СПб.: Наука, 2009.

Лысенко В.Г. Диалог эксперта по когнитивным наукам с большой языковой моделью Claude 3 Opus о самосознании искусственного интеллекта: анализ буддолога // Философские науки. 2024. № 3 (67). С. 75–98.

Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. М.: Аграф, 1997.

Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000.

Пирси Р. Чтение как философская практика / Пер. с англ. А. Васильевой. Ереван: Fortis Press, 2024.

Платон. Софист / Пер. с древнегреч. С.А. Ананьина // *Платон*. Сочинения: в 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970. С. 319–400.

Nelson L. Die Socratiche Methode. Vortrag, gehalten am 11. Dezember 1922 in der Pädagogischen Gesellschaft in Göttingen. Göttingen: Offentliehes Lehen; Eldonejo «Publika Vivo», 1931.

[31] Там же. С. 28.

[32] Там же. С. 19.

Schulze G. Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2005.

Strasser A., Schwitzgebel E., Crosby M. How far can we get in creating a digital replica of a philosopher? // Social Robots in Social Institutions: Proceedings of Robophilosophy 2022 / Ed. by R. Hakli, P. Mäkelä, J. Seibt. Amsterdam; Berlin; Washington: IOS Press, 2023. P. 371–380.

Thomas I.S., Wang J., GPT-3. What Makes Us Human: An Artificial Intelligence Answers Life's Biggest Questions. Boulder: Sounds True, 2022.

"Russian Socrates": M.K. Mamardashvili and V.V. Bibikhin*

Oleg V. Zarapin

Vernadsky Crimean Federal University. 4 Vernadskogo Prospect, Symferopol, 295007, Russian Federation; e-mail: zaraoleg@yandex.ru

M.K. Mamardashvili and V.V. Bibikhin are significant figures in Russian philosophical culture. They embody philosophical professionalism in overcoming academic barriers and in their openness to life, which intellectually connects people with one another. This is vividly expressed in their pedagogy, in lecture courses that follow the model of teaching philosophy as a living, philosophizing self-consciousness in full view of all. We proceed from the premise that the effectiveness of this model is not revealed by the power of charismatic self-consciousness, evoking the audience's co-presence and response. Our thesis is that such a model embodies an already known form of action. It is realized in the form of a public reading of a classic philosophical text and in the focus on "recognizing oneself in the Other". This form can be called Socratic. In the article, it is reconstructed using material from M.K. Mamardashvili's "Kantian Variations" and V.V. Bibikhin's "Reading Philosophy" courses. These courses agree on the lecturer's chosen method of reading the text, the idea of self-consciousness embedded in this method, and the means of maintaining contact with the audience. The conclusion emphasizes that the pedagogical legacy of Russian philosophers expresses neo-Socratic approach, which is particularly relevant in the digital age. It represents a real and effective counterpoint to the popularized practice of interaction with a trained neural network, capable of inspiring the user with idea that personal self-consciousness is a collection of an individual's experiences, a valuable and interesting element of their private intellectual life.

Keywords: neo-Socratism, Russian philosophical culture, philosophical text, self-consciousness, self-knowledge

For citation: Zarapin, O.V. "'Russkii Sokrat': M.K. Mamardashvili i V.V. Bibikhin" ["Russian Socrates": M.K. Mamardashvili and V.V. Bibikhin], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2026, Vol. 19, No. 3, pp. 15–25. (In Russian)

References

Bibikhin, V.V. *Chtenie filosofii* [Reading of philosophy]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2009. (In Russian)

Bibikhin, V.V. *Uznai sebia* [Know yourself]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1998. (In Russian)

* The article has been prepared within the framework of the Russian Science Foundation (RSF), project No. 26-18-00580 "Modeling argumentation from expert opinion and mechanisms for exporting knowledge to the public sphere", implemented at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

Lysenko, V.G. “Dialog eksperta po kognitivnym naukam s bol’shoi iazykovoi model’iu Claude 3 Opus o samosoznanii iskusstvennogo intellekta: analiz buddologa” [Dialogue on Artificial Intelligence’s Self-Awareness Between the Cognitive Science Expert and Large Language Model Claude 3 Opus: A Buddhist Scholar’s Perspective], *Filosofskie nauki*, 2024, Vol. 67, No. 3, pp. 75–98. (In Russian)

Mamardashvili, M.K. *Estetika myshleniia* [Aesthetics of Thinking]. Moscow: Moskovskaia shkola politicheskikh issledovanii Publ., 2000. (In Russian)

Mamardashvili, M.K. *Kantianskie variatsii* [Kantian Variations]. Moscow: Agraf Publ., 1997. (In Russian)

Nelson, L. *Die Socratiche Methode. Vortrag, gehalten am 11. Dezember 1922 in der Pädagogischen Gesellschaft in Göttingen*. Göttingen: Öffentliches Leben; Eldonejo “Publika Vivo”, 1931.

Piercey, R. *Chtenie kak filosofskaia praktika* [Reading as a Philosophical Practice], transl. by A. Vasil’ev. Yerevan: Fortis Press Publ., 2024. (In Russian)

Plato. “Sophist”, transl. by S.A. Anan’in, in: Plato, *Sochineniia* [Works], Vol. 2. Moscow: Mysl’ Publ., 1970, pp. 319–400. (In Russian)

Schulze, G. *Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart*. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2005.

Strasser, A., Schwitzgebel, E. & Crosby, M. “How far can we get in creating a digital replica of a philosopher?”, *Social Robots in Social Institutions: Proceedings of Robophilosophy 2022*, ed. by R. Hakli, P. Mäkelä, J. Seibt. Amsterdam; Berlin; Washington: IOS Press, 2023, pp. 371–380.

Thomas, I.S., Wang, J. & GPT-3. *What Makes Us Human: An Artificial Intelligence Answers Life’s Biggest Questions*. Boulder: Sounds True, 2022.